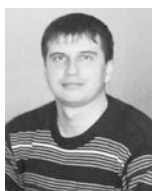

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК ПРОБЛЕМА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ И КИТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Сергей Александрович ИВАНОВ,
младший научный сотрудник Отдела
международных отношений и про-
блем безопасности ИИАЭ ДВО РАН,
Владивосток.
E-mail: 02isa02@mail.ru

Анатолий Евгеньевич САВЧЕНКО,
младший научный сотрудник Отдела
социально-политических исследова-
ний ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: savich21@mail.ru

В статье рассматриваются перспективы сравнительного анализа эффективности государства в России и Китае. Предлагается авторская концепция исследования, приводятся примеры её применения.

Ключевые слова: Россия, Китай, эффективность государства, децентрализация, приграничное сотрудничество.

THE EFFICIENCY OF THE STATE — THE PROBLEM OF MODERN HISTORY OF RUSSIA AND CHINA: COMPARATIVE ANALYSIS

Sergey A. Ivanov. Junior academic researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

Anatoliy Yev. Savchenko. Junior academic researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article is devoted to the prospects of comparative analysis of state efficiency of Russia and China. The authors offer concepts of research and give examples of its implementation.

Key words: Russia, China, state efficiency, decentralization, frontier cooperation.

Существует как минимум два основания предполагать, что сравнительные исследования эффективности государства и факторов, на неё влияющих, имеют шансы стать важным направлением в общественных науках ближайшего будущего. Во-первых, самому государству как институту брошен вызов: насколько различные государства способны адаптироваться к процессам глобализации, противостоять негосударственным

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 11-33-0361a2 «Интерференция внешней и региональной политики Российской Федерации».

факторам (таким как террористические сети), сохранять свою дееспособность и автономию от лоббистских групп? Во-вторых, опыт новейшей мировой истории чрезвычайно богат и разнообразен: одни и те же факторы и процессы (например, характер политического строя или коррупция, либеральные реформы, смена власти) имеют порой противоположные последствия для различных государств, приводя к подъёму одних и полному краху других.

Эффективность государства как самостоятельная тема исторического исследования одновременно и традиционна, и нова. Традиционным является сам аналитический приём — оценивать состояние государства сквозь призму действенности политики власти, соотношения целей и реальных результатов. Новым является подход к государству как к целостной и относительно автономной от общества системе, имеющей свои цели, основные из которых далеки от публично декларируемых. В рамках такого подхода анализ эффективности государства ведётся вне традиционных дискурсов «свободы», «демократии», «авторитаризма».

Исследования, связанные с проблемой эффективности государства, развиваются преимущественно в области практической политологии. Прикладная западная наука сконцентрировалась на выработке критериев и индикаторов данной эффективности, основанных на сравнительном анализе [1; 2]. Она стала приобретать и организационные формы: в 2005 г. в Вашингтоне был создан отдельный Институт по изучению эффективности государств [3]. Однако это направление не занималось глубоким изучением причин эффективности или неэффективности государств и рассматривало появление «гибнущих» и «неудавшихся» стран как следствие политических и экономических кризисов, затяжных вооружённых конфликтов, гуманитарных катастроф и т.д. [4, с. 89].

Теоретическое осмысление избранной проблемы развивается преимущественно в русле веберовской социологической традиции. В рамках западной исторической макросоциологии сделан ряд теоретических прорывов. Р. Коллинз, М. ван Кревелд, У. Мак-Нил показали детерминирующую роль геополитики и войны в процессе развития государства [5; 6; 7]. Ч. Тилли сосредоточился на понимании внутренних механизмов и связал особенности становления и деятельности государств с видами ресурсов, доступных их правителям. Правда, географические рамки его исследования ограничивались Европейским континентом [8].

Как и в любой масштабной исторической проблеме, для понимания факторов динамики эффективности государства важен сравнительный анализ. В статье сделана попытка показать перспективы сравнения двух контрастных примеров — России и Китая. Несмотря на кардинальные различия по ряду важнейших параметров, эти государства объединяют как минимум две общие черты:

- 1) обе страны на протяжении нескольких десятилетий пытаются решать задачи всесторонней модернизации;
- 2) на развитие и России, и Китая существенное влияние оказывает наследие коммунистического строительства.

Оба государства вышли из коммунистического эксперимента, и этот переход сопровождался дефицитом материальных ресурсов у Центра, относительно продолжительным периодом либерализации и децентрализации, который завершился новым витком централизма. Несмотря на сходство исторической траектории, результаты по состоянию на сегодняшний день для Китая и России противоположны. В первом государстве децентрализация и либерализация экономической жизни привели к бурному экономическому росту, во втором подобные меры и процессы ускорили отток капитала и промышленную деградацию.

Россия и Китай олицетворяют собой яркий контраст того, что Г. Дерлугьян назвал «многообразием исходов коммунистических стратегий» [9, с. 449]. Низкий уровень демократии и высокий уровень коррупции общепризнаны в качестве главных препятствий на пути развития России. В то же время в Китае, который считается чуть ли не главным примером эффективного развития, уровень коррупции вряд ли меньший, а степень демократических свобод вряд ли бóльшая, чем в нашей стране. Например, по данным исследования специалистов Народного банка Китая, в период с начала 1990-х гг. по 2008 г. 18 тыс. китайских чиновников вывели за рубеж около 123 млрд долл. [10]. При схожих процессах мы наблюдаем различные результаты. Для объяснения этого разнообразия необходимо обратиться к факторам более глубинным, нежели уровень демократии или коррупции в той или иной стране. Гипотеза нашей статьи состоит в том, что понимание ключевых системных факторов функционирования обоих государств откроет путь к решению проблемы. Эти факторы можно представить в виде двух основных понятий.

1. Понятие «эффективность государства» предполагает, что государство, во-первых, способно обеспечивать исполнение принятых решений путём контроля над региональной бюрократией; во-вторых, обладает относительной автономией от влияния различных лоббистских групп при принятии важнейших государственных решений [11, с. 138—139].
2. Понятие «способ мобилизации ресурсов» по своему значению приближается к понятию «структура экономики», но менее технократично и более близко к задачам исторического и политического анализа. Оно призвано ответить на вопрос, какой источник лежит в основе доходов государства: налоги с промышленности и предпринимательства, налоги с экспорта сырья, займы международных финансовых организаций и т.д.

В статье мы делаем попытки доказать, что данная концепция может быть полезна для понимания столь резкого различия исторической траектории России и Китая, а также показать варианты её применения на разных уровнях анализа: от макро — общий ход реформ (в качестве примера выбрана децентрализация), до мезо — развитие приграничного сотрудничества двух государств. Взаимосвязь теории и различных уровней анализа может быть выражена в виде следующей гипотезы: эффективность государства и способ мобилизации ресурсов рассматриваются в качестве

важнейших условий, определяющих как характер децентрализации, так и её последствия. Характер децентрализации, будучи производным от двух вышеназванных факторов, в свою очередь определяет динамику и эффективность приграничного сотрудничества двух стран.

При переходе к рынку КНР и СССР/Россия имели достаточно разный базовый набор преимуществ. С точки зрения экономической теории, у Китая было неоспоримое преимущество в дешёвой рабочей силе, которая притягивала иностранный капитал перспективой радикального снижения издержек производства. Однако и СССР обладал многими достоинствами — более развитыми инфраструктурой и технологиями. Почему же в первом случае государство смогло использовать свои преимущества, а во втором — нет?

В СССР начало явной децентрализации и либерализации положено решениями XIX партийной конференции 1988 г., и эти процессы в условиях нараставшего политического кризиса и ресурсного дефицита получили яркую политическую окраску. К 1991 г. Центр как значимый политический и экономический субъект фактически отсутствовал, а 1990-е гг. были периодом затяжной, а временами и острой борьбы Москвы с регионами за восстановление своего политического и экономического влияния.

В КНР реформы начались на десятилетие раньше. В 1979 г. китайский лидер Дэн Сяопин имел возможность предоставить территориям и частному предпринимательству больше свободы, сохраняя при этом должный политический контроль [12, с. 199]. Одна из причин такого шага состояла в том, что Пекин, как и Москва во второй половине 1980-х, не мог обеспечить регионы необходимыми материальными средствами, ежегодно ощущая нехватку инвестиционных ресурсов более чем на 10% ВВП [13, с. 104]. Центральные власти фактически отдали решение проблемы по накоплению капитала на места, перераспределив для выполнения этой задачи баланс фискальных и административных ресурсов в пользу регионов, а также создав институциональные возможности для развития локального бизнеса*.

В Китае реформы начались раньше, чем власть начала терять контроль над ключевыми группами общества — ведомственной и региональной бюрократией, директорским корпусом. В Советском Союзе была обратная ситуация — ко второй половине 1980-х гг. формально господствующая

---

* В Китае в результате реформы бюджетно-налогового устройства 1980 г. доходы территорий значительно превысили долю Центра в доходной части бюджета страны, составив в 1993 г. около 78% всех доходов государства. Каждый уровень власти получил собственную доходную базу, за счёт которой полностью осуществлял расходы на вверенной территории [14, р. 451]. По официальной статистике, налоговые поступления в консолидированный бюджет Китая менее чем за 20 лет сократились до аномально низкого уровня — с 31% ВВП в 1978 г. до 11% в 1996 г.

Подобные, хотя и менее выраженные процессы происходили в России в 1990-е гг., когда доля региональных бюджетов в консолидированном бюджете страны также оказалась выше федеральной или немного ей уступала. По этому показателю доля Центра составляла 79% в 1980-е гг., 59% в 1990-м г., а минимальный уровень был достигнут в 1999 г. — 46% [15, с. 59—60].

Коммунистическая партия фактически утратила контроль над обществом. Мы предполагаем, что именно здесь и кроется глубинное различие между двумя странами: если Китай мог себе позволить реализовывать пошаговую стратегию либерализации и децентрализации, то в России этот процесс развивался на фоне коллапса государства в 1988—1991 гг., а затем за один лишь 1992 г. страна рухнула в рыночную экономику [16, с. 237]. В пользу того, что эти различия могут пониматься не менее как «начальное условие» для стремительного расхождения последующих траекторий развития обоих государств, свидетельствует сравнительный анализ стран, переходивших от плановой к рыночной экономике: эффективность этого перехода в наибольшей мере определялась способностью государства обеспечить законность и порядок, а не скоростью и глубиной децентрализации/демократизации [16, с. 266—267]. Успех китайских реформ не в международной деятельности и привлечении иностранных инвестиций, а в способности государства задействовать внутренние ресурсы [17, р. 173—174].

Промежуточный вывод состоит в следующем: децентрализация вовсе не абсолютное благо, но относительное. Даже только экономическая, она всё равно является обоюдоострым оружием: в зависимости от различных условий может как повышать, так и снижать эффективность государства. В случае Китая есть как минимум два момента, на которые стоит обратить внимание.

Во-первых, экономическая децентрализация проходила при сохранении партийного контроля и централизованной системы назначений на правительственные должности [18, с. 29]. С начала проведения реформ и политики открытости китайский чиновник мог обеспечить себе нахождение в государственном аппарате и движение по карьерной лестнице в основном за счёт эффективности политики на вверенной территории (*zhengji*). Общегосударственным мерилom этой эффективности являлись результаты экономической, социальной и партийной деятельности, на основе которых давалась «кадровая оценка» [19, р. 76—78]. Такая система вынуждала местные власти направлять существующие у них финансовые и материальные ресурсы в установленные Центром «каналы», хотя и давала свободу в конкретных механизмах и формах реализации поставленных задач. Таким образом Пекин, безраздельно контролируя политическую сферу, пресекал на корню девиантное поведение местных правительств в политике и значительно ограничивал его проявления в экономике [20, р. 10].

Вторым важнейшим фактором китайского успеха является способ мобилизации материальных ресурсов. В условиях относительного дефицита природного сырья для центрального и регионального руководства был открыт лишь один путь увеличения доходов — развитие обрабатывающей промышленности. Децентрализация стимулировала местные власти к активным действиям в экономике, повышению доходности на подведомственных им госпредприятиях, привлечению инвестиций и т.д. А политический контроль направлял эти инициативы в нужное государству русло. В этих условиях Пекин не побоялся дать карт-бланш в развитии

приграничного сотрудничества региональной элите и населению, которые использовали его не просто для личного обогащения, но и для создания сначала торгово-сервисных, а затем и производственных мощностей.

Фактически китайский Центр институционализировал механизмы закрепления капитала на приграничных территориях, несмотря на то что фактически они во многом были связаны с теневыми потоками. Ещё в середине 80-х гг. в Китае был разрешён беспрошленный провоз товара в соседнее государство населением, проживавшим в 20-километровой зоне от границы [21, с. 219]. С 1996 г. были снижены на 50% импортные пошлины для предприятий, зарегистрированных в приграничных городах и уездах [22]. Подобные меры позволили накопить на периферии значительный капитал: к 2004 г. среди 100 крупнейших частных компаний-экспортёров всего Китая 10% занимали предприятия приграничных с Россией городов и уездов [23].

В России процессы децентрализации развивались по-иному: они проходили в условиях государственного коллапса, длившегося с конца 1980-х и все 1990-е гг., и скрывали под собой апогей системы непрямого правления, при которой региональные власти получали почти полную свободу действий на своих территориях в обмен на политическую лояльность президенту в ключевых вопросах [11, с. 155]. Слабый потенциал государства, условия и темпы проведённой экономической либерализации, сложившаяся не в пользу России геоэкономическая ситуация — всё это сформировало деструктивный характер децентрализации. Её результатом стала борьба между российским Центром и регионами за контроль над ресурсами, рост контрабандного экспорта, дальнейший промышленный упадок. Кроме того, слабый Центр с трудом противостоял претензиям регионов на увеличение централизованных бюджетных расходов, для чего был вынужден занимать средства на внешнем и внутреннем финансовых рынках. Общее число регионов-доноров федерального бюджета неуклонно сокращалось: если в 1993 г. их было 35, то в 1996 г. — 12, в 1997—8. Число дотационных регионов, напротив, увеличивалось: в 1990 г. — 50, 1994 г. — 66, 1995 г. — 78, 1996 г. — 75, в 1997 г. — 79 [24, с. 11]. В Министерстве региональной политики в начале 1999 г. констатировали: «...несмотря на расширение прав на введение собственных налогов, именно отчисления от федеральных налогов в настоящее время составляют основу доходов бюджетов регионов» [ГАРФ. Ф. 10104. Оп. 1. Д. 2. Л. 162].

В начале 1990-х гг. российское руководство также пыталось задействовать ресурс границы с Китаем для развития Дальнего Востока. Однако эта попытка имела в лучшем случае нулевой результат, которому можно дать объяснение: в российских условиях было гораздо выгоднее проводить спекулятивные экспортно-импортные операции, чем развивать производства. Регионы, получив экономическую самостоятельность, принялись за экспорт природных ресурсов, их обмен на продовольствие и потребительские товары. Вместо притока инвестиций мы получили дальнейший развал лёгкой промышленности, не выдерживавшей конкуренции с дешёвой продукцией Китая, Польши, Индии.

Экспортный потенциал российских регионов в лучшем случае «продался», т.е. обменивался на продовольствие без всякого развития для соответствующих отраслей и предприятий [25, с. 373]; в худшем — развитие внешнеэкономической деятельности на этих территориях наносило прямой и косвенный ущерб экономике страны. Например, в 1992 г. по итогам проверки эффективности внешнеэкономической деятельности предприятий и организаций Амурской области вырисовывалась безнадежная ситуация. В её экспорте доля продукции, производимой непосредственно областью, составляла 36%. В основном это был пиловочник, бурый уголь, строительные материалы, соя и другие сельскохозяйственные товары; промышленная продукция составляла около 1%. Экспортируемые товары, как правило, обменивались на товары народного потребления. Новое оборудование и технологии не приобретались. Более того, из-за некачественно проработанных контрактов экспорт шёл по ценам на 30—40% ниже мирового уровня; при этом импорт приобретался по ценам, завышенным до 10 раз [ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 6. Л. 143—144]. Подобное наблюдалось и в торговле Хабаровского края с КНР, где выгоду извлекали китайские компании, предпринявшие «...массовый сброс в Россию некачественных потребительских товаров и получив взамен по товарообменным операциям стратегически важное сырьё» [26, с. 82].

Кроме того, в начале 1990-х гг. массовый выход экономических субъектов на внешние рынки, их несогласованная ценовая политика привели к обрушению мировых цен на ряд сырьевых товаров российского экспорта [27, с. 265]. Об эффективности контроля государства за деятельностью экспортёров говорят следующие цифры. В 1994 г. дальневосточные рыбаки, по официальным российским данным, экспортировали в Японию 61,4 тыс. т морепродуктов на сумму 287,5 млн долл. США, по японским данным — 153,6 тыс. т на сумму 1024,8 млн долл. Разница в данных (737,3 млн долл.) — неконтролируемая государством деятельность [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 638. Л. 224].

Пример приграничного сотрудничества показывает важность различия в способе мобилизации ресурсов в обоих государствах. Если перед Китаем в силу структурных условий был открыт перспективный путь получения дохода (развитие экспортоориентированной перерабатывающей промышленности), то для приграничных с ним российских регионов, как и для России в целом, этот путь был закрыт по ряду причин: во-первых, это тот же Китай, с которым Россия не могла конкурировать в дешёвой и дисциплинированности рабочей силы; во-вторых, Россия в силу структурных особенностей экономики и процессов экономического спада могла экспортировать главным образом сырьё. Приоритетным источником доходов как государственного бюджета, так и региональных бизнес-структур были экспортные сырьевые ресурсы.

Крайне ограниченный перечень источников доходов, исчерпывающийся главным образом отраслями, которые сравнительно легко монополизировать и контролировать: добыча и экспорт сырья, связь и т.д. — один из верных признаков слабого государства [9, с. 454]. В сложившихся

экономических и политических условиях монополизация российским Центром сырьевых экспортных отраслей была единственным средством обеспечить доходы и целостность страны, хотя этот путь стал исторически бесперспективным для её развития. Соответственно нарастала зависимость государства от сырьевого источника ресурсов. Этот процесс продолжился и в 2000-е гг. По данным министра финансов России А.Л. Кудрина, доля нефти и газа в доходах российского бюджета выросла с 23,4% в 2002 г. до 45% в 2005 г. [28, с. 4, 49]. В настоящее время федеральный бюджет России формируется в основном за счёт двух налогов — на добычу полезных ископаемых и на добавленную стоимость, которые составили 86% всех поступлений за первый квартал 2011 г. [29].

Одним из следствий такой структуры доходов России явилось то, что «нефть и газ по сути стали государствообразующими отраслями, а их представители в аппарате государственного управления — важнейшими режиссёрами политико-административных процессов» [30, с. 25]. Что это может означать для понимания различий России и Китая? Здесь уместно вспомнить вывод известного норвежского экономиста Э. Райнерта, который на основе сравнительного исторического анализа европейских стран показал, как важно, в чьих руках находится политическая власть: у тех, кто заинтересован в производстве сырьевых товаров, или же у тех, кто заинтересован в развитии обрабатывающей промышленности. Рассматривая капитализм «как систему непреднамеренных последствий», он отметил, что эти последствия «...в странах, где деньги делаются при помощи обрабатывающей промышленности, совсем другие, чем в странах, где заработать можно только на сырье» [31, с. 115].

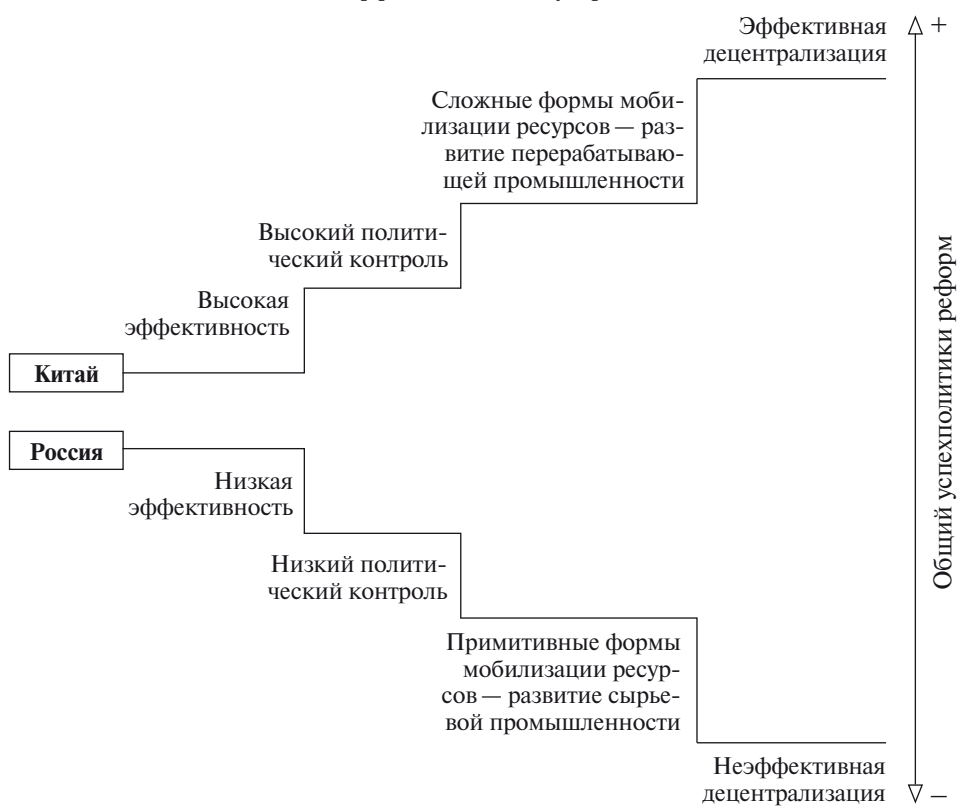
Проведённый анализ позволяет сделать выводы. Разница в эффективности государства накануне реформ является одним из ключевых начальных условий последующих изменений в России и Китае. Можно выделить следующие траектории для обеих стран. В России: низкая эффективность государства + сырьевая экономика = неуправляемая децентрализация + рентоориентированность региональной элиты = деградация промышленного потенциала + усиление сырьевой зависимости. В Китае: более высокий потенциал государства + ориентация на перерабатывающую промышленность = управляемая децентрализация + дальнейшее развитие перерабатывающей промышленности = бурное экономическое развитие. Предположительная траектория трансформации эффективности государства России и Китая представлена в схеме 3, где каждая ступень является начальным условием для «шага» на следующую ступень к успеху или провалу стратегии реформ.

Все вышеуказанные особенности трансформации власти и капитала в обеих странах проявлялись и во взаимоотношениях России и Китая на межрегиональном и трансграничном уровне.

Гипотеза исследования и её апробация на примере приграничного сотрудничества России и Китая показывают, что эффективность децентрализации зависит от ряда условий, главнейшее из которых — способ, которым государство получает основные материальные ресурсы. Если ос-

Схема 1. Зависимость успеха реформ в России и Китае от эффективности государства

новой способ состоит в получении налогов с обрабатывающей промышленности и сферы услуг, то децентрализация способствует заинтересованности региональных правительств в развитии своей территории, притоку инвестиций и общему экономическому подъёму (что и произошло в Китае). Если же основной способ состоит в экспорте сырья, то децентрализация ведёт к «проеданию» регионами этого ресурса, конкуренции разных уровней власти в контроле над экспортно-импортными финансовыми потоками, оскудению ресурсов Центра, нарастанию противоречий в системе государственного управления (что и произошло в России в 1990-х гг.). Российская централизация власти и капитала в 2000-х гг. — это не прихоть Центра, а курс, проводимый при отсутствии реальных альтернатив.

Необходимо отметить, что представленная гипотеза требует дополнительной эмпирической проверки. Надо привлечь подробную информацию о мотивации принятия важнейших государственных решений, структуре и уровне собираемости налогов, степени реализации различных проектов регионального развития, механизмах взаимоотношений *Центр — периферия* в обоих государствах для лучшего понимания их эффективности. Авторы статьи намеренно сосредоточились на подчёркивании контрастов между Россией и Китаем с целью выявления ключевых факторов, лежащих в основе этих различий. Любой анализ является

Таблица 1

**Особенности приграничных отношений двух государств
в конце 90-х — начале 2000-х гг.**

		Россия	Китай
<i>Центр</i>	<i>Уровень эффективности политического контроля</i>	Низкая эффективность	Высокая эффективность
	<i>Роль в развитии приграничного сотрудничества</i>	Отсутствие каких-либо форм поддержки приграничной торговли, подавление Центром трудноконтролируемых форм сотрудничества	Передача вопросов по ведению приграничного сотрудничества на региональный уровень, институционализация Центром трудноконтролируемых форм сотрудничества
<i>Механизмы мобилизации ресурсов экономики</i>	<i>Ведущий механизм мобилизации ресурсов экономики</i>	Развитие сырьевого сектора экономики	Развитие перерабатывающего сектора экономики
	<i>Следствие для развития приграничного сотрудничества</i>	Снижение значимости периферии в торговле стран, централизация легального экспорта сырьевой продукции и импорта техники и товаров широкого потребления; незначительная роль приграничного сотрудничества в развитии реальной экономики	Сохранение высокой значимости посреднической роли периферии в торговле двух стран; постепенное освоение низших и средних ступеней переработки российского сырья, а также производства товаров, ориентированных на российский рынок
<i>Региональная и местная власть</i>	<i>Готовность подчиняться Центру</i>	Низкая	Высокая
	<i>Роль в развитии приграничного сотрудничества</i>	Пассивность в приграничном сотрудничестве на официальном уровне, участие в теневых формах торговли ввиду централизации легальных потоков через границу	Активность в приграничном сотрудничестве на официальном уровне, взаимодействие с легальным бизнесом ввиду возможности контролировать легальные и полулегальные потоки через границу

упрощением реальности, поэтому мы не упоминали как о достижениях России, так и не менее реальных и порой драматических проблемах современного Китая. Выстроенная «лестница» (схема 1), на которой первое государство «скользит вниз», а второе устремлено «вверх», является не столько отражением реальности, сколько инструментом её анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ghani A., Lockhart C., Carnahan M. Closing the Sovereignty Gap: an Approach to State-Building // Working Paper 253. London: Overseas Development Institute, 2005. 20 p.
2. Transformation Index 2010 // URL: http://www.bertelsmann-transformation-index.de/fileadmin/pdf/Anlagen_BTI_2010/BTI_2010_Ranking_Table_E_web.pdf.
3. About the Institute // Официальный сайт Института по изучению эффективности государств. URL: <http://www.effectivestates.org/about.htm>.
4. Минаев М. Проблематика слабых государств в американской аналитике // Международные процессы. Т. 5, 2 (14). Май — август 2007. С. 86—94.

5. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // *Время мира: Альманах*. Вып. 1.: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 234—278.
6. Кревельд ван М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
7. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооружённая сила и общество в XI—XX веках. М., 2008. 456 с.
8. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990—1992 гг. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2009. 360 с.
9. Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. 560 с.
10. Мануков С. В омуте коррупции // «Expert Online». URL: <http://www.expert.ru/2011/06/17/v-omute-korrupsii/> (дата обращения: 21.11.2011).
11. Каппелли О. «Досовременное» государственное строительство в постсоветской России // *Прогнозис*. 2009. № 1 (17). С. 131—175.
12. Дэн Сяопин. Вэньсюань. Ди эр цзюань = Дэн Сяопин. Избр. Т. 2. Пекин: изд-во Жэньминь. 1994. 446 с.
13. Пань Инли, У Синьчжу. Китайская монетарная политика // *Свободная мысль*. 2011. № 2 (1621). С. 103—118.
14. Jing Vivian Zhan. Decentralizing China — analysis of central strategies in China's fiscal reform // *Journal of Contemporary China*. 2009. Vol. 18. P. 445—462.
15. Салмин А.М. Российская Федерация и федерация в России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 2. С. 40—60.
16. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: «Экономика», 2007. 447 с.
17. Huang Yasheng. Capitalism with Chinese Characteristics: Entrepreneurship and the State. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. 366 p.
18. Ениколопов Р., Журавская Е. Бюджетный федерализм в России. М.: ЦЭФИР, 2002. 34 с.
19. Kai-yuen Tsui, Youqiang Wang. Between Separate Stoves and a Single Menu: Fiscal Decentralization in China // *The China Quarterly*. 2004. N 177. P. 71—90.
20. Olivier Blanchard, Andrei Shleifer. Federalism with and without Political Centralization: China versus Russia // *NBER Working Paper*. March 2000. N 7616. P. 14.
21. Бяньцзин сяоз маои цзаньсин гуаньли баньфа = Временное положение о малой приграничной торговле / Шэвай цзинцзи, вайши гунцзо вэньцзянь сюаньбянь = Сборник документов по внешнеэкономической и международной деятельности. Цзилинь: Департамент лесного хозяйства, 1993. 635 с.
22. Гоуюань гуаньюй бяньцзин маои югуань вэньти дэ дунчжи = Уведомление Госсовета по вопросам приграничной торговли // URL: <http://www.people.com.cn/zixun/fifgk/item/dwjf/falv/1/1-4-4.html> (дата обращения 02.11.2011).
23. Чжунго шану няньцзянь 2005 = Ежегодник по коммерции Китая. 2005. [Электронный ресурс] Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ. 1 CD-ROM.
24. Марченко Г., Мачульская О. Регионы России: справочник. М.: «Журнал Эксперт», 1997.
25. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006.
26. Писаренко Н. Внешнеэкономические связи Хабаровского края и КНР // *Перспективы дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда* / под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. М.: Гендальф, 1999.
27. Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX — начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006.
28. Кудрин А. Механизмы формирования нефтегазового баланса бюджета России // *Вопр. экономики*. 2006. № 8.
29. «Эксперт». № 15 (749). 18 апреля 2011. URL: <http://expert.ru/expert/2011/15/korotko/> (дата обращения 02.11.2011).
30. Гаман-Голувина О.В., Сморгунев Л.В., Соловьёв А.И., Туровский Р.Ф. Эффективность государственного управления в Российской Федерации в 2008 г. URL: <http://www.inor.ru/files/Chapter2.pdf> (дата обращения 02.11.2011).
31. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные остаются бедными. М.: Изд. дом. гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011. 384 с.
32. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
33. ГААО (Гос. архив Амурской области).
34. ГАПК (Гос. архив Приморского края).